

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ДОРОГИЕ!

В ОПРОВЕРЖЕНИЕ известного тезиса о том, что одна женщина никогда не станет хвалить другую (ясно, кто выдумал этот тезис), я хочу рассказать вам о трех прекраснейших москвичках — молодых, нежных, пыльных, хочу воспеть их гибкие руки, звонкие голоса, их походку и поворот головы — мне все кажется в них необычайно красивым. А вам, не встретившим их, придется верить мне на слово.

ВАЛЯ

— Вы откуда, девушка?
— Из Москвы, — ответила она, тихая, со своей лавочки.
— Видите, каких мы вам присылаем, — не удержалась я, чтобы не похвастаться.
— Ну вот, смутили нашу Валью, — сказал секретарь комитета комсомола

«Апатитстрой». — Между прочим, не одни москвичи красивые.

Строго говоря, Валя не была москвичкой. Но отсюда, из Заполярья, два часа езды на электричке кажутся одной коротенькой минутой.

— Будете в нашем заводе, передайте привет Римме, библиотечарше. И главному инженеру. И вахтерам. И...

— Кем ты работала, Валя, что всех знаешь?

— В охране. В бюро пропусков. Интересно. Берет такой носила. Положено. Одно плохо — все время на ногах. Книгу не возьмешь. Не положено. А я училась.

Мы ходили с ней по Кировску, и она читала стихи молодого Симонова. И еще какие-то. Наизусть. У нее был тонкий, грустный профиль. Хотелось каждую минуту повторять: «Какая ты красивая, Валя», и требовалось некоторое усилие воли, чтобы говорить и на другие темы.

В большой комнате общежития я сразу узнала Валину кровать. Ее наполовину загоразивал шкаф, где были прикреплены, прищиплены, приклеены, приколоты портреты Валентины Терешковой — сорок Валентин смеялись, хмурились, радостно махали рукой с Мавзолея.

— Я тоже занималась парашютным спортом, — сказала Валя и отвернулась от шкафа.

Потом шел веселый рассказ о построенном вместе с заводскими ребятами планере, о ее первом неудачном вылете. Как тренер кричал, выхватывая из рук опечаленных воздухоплавателей обломки планера: «Такую машину угробили!», забыв, что обзывает прежде ее «этажеркой моей бабушки» и кое-чем похуже.

— Хорошо до чего мы там жили! — закончила она.

— Хочется домой?

— Ой, как!

— Вернешься?

— С какими глазами? — отвечает она вопросом на вопрос. — Добровольцы, большая химия, Заполярье, и здрасте-здрасте, я назад приехала. По дому соскучилась.

Боевое крещение она приняла через неделю после приезда, в мае. Самые теплые ее ботинки — на меху — оказались не более надежны, чем парусиновые тапочки. На плато Росвумчорр шел буран. Они спускались пешком, опоздав на машину со смены, — еще ныли руки от тяжелой лопаты, от мерзлой земли, но уже ясно было, что все эти беды — четверть беды по сравнению с тем, что ждало их по пути вниз. Это был долгий путь. Мужчины укутывали ее шарфами, предлагали свои шапки и варежки. Потом шарфы пришлось снять и связаться ими, чтобы не потерять друг друга...

— Тут вообще очень здорово! — говорит Валя и запрокидывает голову вверх.

— Здесь, во-он на горе, будка —

проводят горнолыжные соревнования. Я обязательно попробую, что это за спорт такой. А налево, километра три, аэродром. Я туда ходила, на вертолете каталась. Пришла, попросила летчика. Говорю: уже 20 лет прожила, сроду на вертолете не летала. Он и посадил.

— Главное, понимаете, специально сти у меня нет, — неожиданно говорит она. — Сейчас вот в горком комсомола зовут, за спорт отвечать. Прямо не знаю. А с другой стороны, я бы первым делом здесь парашютную вышку поставила. Такой край, столько молодежи отчаянной, и нет вышки...

— Какая ты красивая, Валя, — так и вырывается у меня. Она хмурится, быстро встает и после разговора со мной сухо. С вами, мол, о деле, а вы...

Поэтому я лучше и сейчас не называю ее фамилии. Вале это не понравилось бы.

ЖАННА

Чтобы вы не подумали, что я небескорыстна, сообщаю сразу: я причисляюсь всегда у одного мастера — у Марины Семеновы.

Вокруг Жанны — небольшой хорошистик в любой день: «Жанна, вы еще не скоро освободитесь?», «Жанночка, добрый день!», «Сейчас моя очередь, но я вас пропущу, я жду Жанну». И так началось с той самой поры, когда она только пришла сюда, в парикмахерскую у Кировского метро, на

практику. Я удивлялась: Вавилина работала всего какую-нибудь недельку, и — пожалуйста.

Так часто бывает: стоит одной выдать ситец в зеленую полосочку, как другая тут же захочет точно такой же. И будет счереди ссоры, страсти, обиды... Женщины легко поддаются гипнозу.

Жаннino кресло — у самой сушилки, и пока крутишь головой с расклевшимися бигуди, вдыхая жаркий, пахнущий химикатами воздух, невольно рассматриваешь Жанну — по полчасу и дольше слышишь ее разговоры с подружками. Разговоры все больше пустяковые. Зато смотреть на

юную парикмахершу хорошо до зависти!

Вот села к ней клиентка — некрасивая, безбровая, несчастная. Жанна берет ее голову в руки, принакает к ней, долго смотрит в зеркало на ее лицо.

Она очень хорошенькая, Жанна, — глазки темные, живые, свежий цвет лица, и клиентка рядом с ней кажется совсем увядшей. Но Жанна уже все поняла. Расческа, бигуди, ловкие пальчики мелькают в воздухе — они делают свое дело теперь уже независимо от хозяйки, та может в это время смеяться, разглядывать, много ли еще народу толпится, мимоходом от-

метить новый фасон кофточки на одной из клиенток.

— Сушите! Следующий!

Голова к голове, моментальная фотография в зеркале. А невзрачная женщина покорно отсидживает свое.

— Вы уже высохли! — небрежно командует Жанна.

Женщина садится в кресло. Жанна вынимает расческу. Это самое интересное. Здесь начинается художник. А эта девчонка — художник. От природы ли, от преподавателя — неизвестно. Только женщина перед зеркалом вдруг меняется. Меняется с каждым взмахом ее расчески. Удлиняется шея, открываются точеные уши — радост-

но и ошеломленно глядят глаза. И брови появляются — честное слово! — ровненькие золотенькие полоски, как два пшеничных колоска. А над лбом — легкие, нестрогие мазки того же пшеничного цвета.

— Кто вам сказал, что я некрасивая? — лукаво и чуть обиженно спрашивает это лицо в зеркале. — Это вам почудилось. Смотрите!

Красота — это прежде всего уверенность. Женщина уходит красивая. Это увидят и окружающие. Они посмотрят на нее другими глазами. Мужчины так легко поддаются гипнозу...

— Следующий! — говорит Жанна.

МАРИКА

Моя подруга Валя долго звала меня в театр «Ромэн».

— Там есть одна актриса, выпускница Щукинского училища, Марика Балан, ученица Мансуровой. Неужели тебе не интересно? А как хороша собой!

Я пошла на «Кармен». В цыганском театре ее называли «Кармен из Трианы» и дали Балан главную роль.

Я не театральная критик — не могу расценивать и проанализировать. Для меня тайна останется тайной. Чем берет она в плен? Вроде и не делает

ничего особенного — бродит по сцене, сунув босые ноги в легкие туфлишки, напевает негромко «Триана», смотрит на кровавый закат, насмехается над Хозе: «Канарейка»...

И не о сложности роли, не об актерской технике думаешь — только прекрасное лицо сияет, и затаенная тоска в самом бурном веселье, и просторная степь на закате...

Не о литературных, не о музыкальных предшествениках этой Кармен вспоминаешь — крепнет уверенность, что жила когда-то, до того, как стать легендой, на свете живая женщина и ни на что не меняла своей свободы. Даже если б захотела, не смогла бы — не такой родилась. Ни деньгами,

ни угрозами, ни иным чем не заслонить ее дороги, не удержать. Даже любовью. А ведь была создана для любви, и как умела любить!

Балан заставляет здесь вспомнить что-то очень знакомое — горьковскую Изергиль, смуглых красавиц из «Сказок об Италии», уходящих в ночь, крепко обняв любимых. Крупные звезды открыто горели до рассвета...

Встряхивала кудрями Кармен из Трианы, насмешливо прищелкивала языком: «Канарейка» — за желтогрудый мундир, за смиренную привычку к клетке, за полную несовместимость их судеб мстила своему Хозе. А уступить не могла!

Уж как звал, как просил, на колених стоял! «Чистый домик с садиком,

дети, церковь по воскресеньям»... В ответ она смеялась ему в лицо.

В ширококостом, кряжистом парне из Наварры проступали вдруг неуловимо знакомые черты — уж не Алексей ли Александрович Каренин своим размеренным голосом разъясняет жене ее долг?

Сама Собственность и сама Свобода стоят друг против друга, непримиримые. Как естественна, органична Кармен Балан! Ничего от роковой красавицы, до сих пор нюхающей свою тухлявую розочку на дешевых флаконах. В нее, в эту даму, пытались превратить настоящую, живую Кармен господина, в бешенстве осваивавшие первое представление оперы Бизе, «Похождения распутной девки!»

— вопили они. А потом «признали», заглянув в приторным слоем экзотики.

Смыты ли до конца эти слои? В иных оперных спектаклях видишь сцену в горах — тот же хор, что изборождал горожан Севильи, становится хором контрабандистов. Не только те же лица — те же типы, и все несерьезно, не страшно — так, ряженные...

У Балан Кармен даже не слишком испанского происхождения — недаром ассоциации рождаются все русские — Горький, Толстой. И все же — хотите узнать настоящую Кармен? Прощу вас, послушайте, как Марика Балан напевает: «Триана»...